



## **Расследование Елизаветы Дубровской**

**Читайте романы Натальи Бороховой в серии  
«Расследование Елизаветы Дубровской»:**

Без пяти минут адвокат

Тайный план адвоката

Досье на адвоката

Адвокат черной королевы

Адвокат призрака

Адвокат на час

Предсказание для адвоката

Адвокат Казановы

Адвокат-невидимка

Звездный час адвоката

Адвокат под гипнозом

Адвокат инкогнито

Адвокат по сердечным делам

Адвокат амазонки

Личная жизнь адвоката

Двойные игры адвоката

Наталья Борохова

# **Личная жизнь адвоката**



Москва  
2019

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Б83

Оформление серии *Анастасии Ивановой*

**Борохова, Наталья Евгеньевна.**

**Б83**      Личная жизнь адвоката : роман / Наталья Борохова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Расследование Елизаветы Дубровской).

ISBN 978-5-04-100000-4

Адвокат Лиза Дубровская уже забыла, когда переступала порог зала суда: после рождения близнецов ее мир сузился до размеров детской. Она отчаянно скучала по своей работе, и случай вернуться к ней вскоре представился — няня Лизиных малышей не знала, к кому еще обратиться, когда ее дочь Ева неожиданно оказалась за решеткой. Еву обвиняли в убийстве жениха, Артема Винницкого. Сын обеспеченных родителей сделал предложение медсестричке из заштатной поликлиники, а потом... легко взял его назад! Оскорбленная Ева отправилась разбираться с коварным поклонником в компании друга своего детства, а на следующее утро их арестовали... Тайком от домашних Дубровская начала разбираться, чем же на самом деле в тот вечер закончился скандал в доме Винницких...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100000-4

© Борохова Н.Е., 2019  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2019

## ГЛАВА 1

В домашнем кабинете профессора Винницкого царил полумрак, несмотря на две зажженные настольные лампы, свет которых падал главным образом на рабочий стол. Среди вороха книг и журналов восседал сам ученый муж, сооружая своими руками странную конструкцию, состоящую из костей. Профессор щурился, прилаживая к тонкому металлическому каркасу многочисленные позвонки. Мелкие детали норовили то и дело упасть на пол, затеряться в беспорядке на письменном столе, что было немудрено. Кусачки, клей, скотч, тюбики с краской, ножницы и прочие нужные предметы путались под руками, и профессор время от времени отпускал в адрес своих неодоушевленных помощников беззлобный комментарий. Ругаться он не любил и не выносил, когда в его присутствии кто-нибудь выражался слишком круто. Он относил себя к старой школе ученых и не признавал никаких иных авторитетов кроме научных. Бытовых проблем для него не существовало в принципе, поскольку они всецело лежали на плечах его жены. Профессору можно было дать все шестьдесят, а то и больше, а все по причине круглой, сгорбленной спины, испорченной многочасовым сидением за письменным столом. Седые, не-

ряшливо причесанные волосы и бородка тоже добавляли ему возраста, и шустрый подросток, уступающий ему место в автобусе со словами: «Садитесь, дедуля!», бывал немало ошарашен, заметив под кустистыми бровями насмешливые молодые глаза. Профессору было всего сорок восемь, но об этом знала разве что его жена. Все ее попытки облагородить внешний вид супруга имели временный успех, поскольку уже через день после посещения салона красоты все возвращалось на круги своя.

Вот и сейчас Милица Андреевна стояла рядом, как грозный страж, и с неудовольствием взирала на творческий беспорядок в кабинете ученого. Она слишком хорошо знала, как сложно оттереть поверхность румынского стола от клея и какие царапины оставляют на дереве металлические инструменты. Обычно она редко сдерживала себя, чтобы не устроить проборку мужу, ведь чудесный гарнитур из каталога, как, впрочем, и многие другие вещи в доме Винницких были приобретены на ее деньги. Она крутилась как белка в колесе, заведя автосалоном по продаже дорогих машин, получала неплохую прибыль, а возвращаясь домой, не успев перевести дух, погружалась в пучину бытовых проблем. Она контролировала сына, принимала гостей от прислуги, требовала, чтобы ее указания исполнялись в точности. Профессор не был ей в этих делах помощником. Он так и остался большим ребенком с толстыми книжками, грезящим о каком-то научном открытии, которое скоро перевернет мир. Сказать по правде, она и сама когда-то верила, что муж получит Нобелевскую премию и она отправится с ним в Стокгольм разделить радость победы. Но годы шли, стены кабинета покрыва-

лись многочисленными дипломами, но международное признание все как-то обходило ученого стороной.

Сегодня Милица Андреевна зашла в кабинет мужа не за тем, чтобы принести ему чай, и даже не для того, чтобы поинтересоваться, как продвигается его новая научная работа. Ей нужно было поговорить с профессором на более земную тему, но для начала неплохо бы улучшить подходящий момент. Ученый был занят своим злосчастным скелетом и обращал на нее внимания не больше, чем на книжный шкаф в углу.

— Знаешь ли ты, дорогая, что у кошки около двухсот сорока костей? — спрашивал он, ныряя под каркас, чтобы проверить, как скелет смотрится снизу.

— Не знала, но это в высшей степени интересно, — проговорила жена, не выразив голосом ни малейшего оптимизма. Она явно не была настроена ждать, когда ученый завершит сооружать из несметной кучи костей единую конструкцию. В их семье назревала драма, по сравнению с которой перспектива получения Нобелевской премии казалась ей сейчас не такой заманчивой, как раньше.

— Тебе правда интересно? — спросил профессор, имея в виду, конечно же, кошку, останки которой он сейчас клеивал с таким усердием. — Ученые до последнего времени полагали, что общий язык с этими чудными созданиями первыми нашли жители Древнего Египта около четырех тысяч лет назад. Считалось, что именно в древнеегипетском государстве появились первые домашние кошки...

Разумеется, кошка его интересовала куда больше, чем собственная жена, и это обстоятельство сильно огорчило Милицу Андреевну. Она вошла в кабинет мужа в новом костюме, выгодно обрисо-

вывавшем ее крупную, статную фигуру, но он не обратил внимания ни на ее красоту, ни на обновку. Она была женщиной в самом соку, и ее возраст в сорок пять лет вряд ли являлся предвестником скорого увядания. Полная грудь, крутые бедра, широкоскулое лицо — кровь с молоком. Голос Милицы звучал весомо, и ей не было нужды кричать, для того чтобы ее услышали подчиненные. Все в ее жизни до недавнего времени находилось под жестким контролем. Но сейчас происходило нечто такое, от чего даже ее волевая натура испытывала неприятную растерянность.

— Антон, я хочу переговорить с тобой, и было бы лучше, если бы ты на время оторвался от своей работы. Это касается очень серьезных вещей, — она вдохнула в грудь побольше воздуха. — Наш сын в опасности!

Профессор взглянул на нее поверх скелета. Было видно, что мысли его остались блуждать в Древнем Египте.

— Артем болен? — спросил он, видимо считая, что это единственная причина, из-за которой стоит тревожиться.

— Можно сказать и так. Во всяком случае, ничем иным я не могу назвать его странное увлечение этой девицей.

— Девицей? — переспросил профессор.

— Да, девицей. Очнись, Антон! Речь идет о той самой особе, которую он постоянно притаскивает к нам домой.

— Значит, он все-таки не болен, — глубокомысленно заметил профессор, прилаживая к каркасу очередной позвонок. — Что плохого ты видишь в том, что он встречается с девочкой? По-моему, это



вполне обычно для его возраста. Он уже не ребенок. Ему м-м... двадцать... Э...

— Двадцать пять, — подсказала жена.

— Вот видишь, двадцать пять. Мы в этом возрасте, кажется, были уже женаты.

— Мы — это другое дело! — отрезала Милица. — Неужели ты не понимаешь, что он губит себя, связывая судьбу с безродной дворняжкой?

Профессор оторвал взгляд от скелета, и в его глазах мелькнуло что-то вроде иронии. О, Милица Андреевна хорошо знала это выражение! Так смотрели на нее его родители, заслуженные профессора старейшего университета страны, когда молодой, безусый Антон привел ее знакомиться с ними. Кто она была для них, юная простоватая девчонка с рабочей окраины? Она и говорить-то толком не умела, все больше молчала, чтобы ее деревенские «чо», «взаправду» не резали им слух. Они, конечно, не стали отговаривать их от женитьбы (тем более что Милица была уже на третьем месяце). Но этот их взгляд, жалостливый, снисходительный, даже какой-то брезгливый, как некоторые смотрят на бездомных собак, преследовал ее всю жизнь. Она окончила политехнический институт, а когда грянула перестройка, с головой окунулась в торговлю: ездила за товаром, сама стояла на рынке. Она трудилась до изнеможения, пока Антон корпел над своей диссертацией, тащила деньги в семью, надеясь заслужить их одобрение. Они ели суп из окорочков, не гнушались апельсинами, но «спасибо» говорили без малейшей теплоты, да и по-прежнему не впускали ее в их беседу. Да и о чем могли говорить с базарной торговкой университетские профессора? Почему нынче цены на югославские сапоги? Даже когда Милица Андреевна ушла с рынка и

занялась мужским автомобильным бизнесом, в их сердцах не растаял лед. Но тогда она уже сама плюнула на этих «музейных экспонатов» и стала жить без оглядки на их научные авторитеты. Купила квартиру, потом машину и обстановку, возглавила автосалон. Всем вокруг она казалась жесткой и деловой, но в глубине души, прикрытой броней самодовольства, Милица так и осталась девчонкой, робеющей перед громкими научными регалиями. Вот почему она так безропотно несла на своих плечах заботу о супруге — ученом. Ей нравилось быть «профессорской женой», словно это отбрасывало и на нее отблеск элитарности. Но иногда (вот как сейчас!) взгляд Винницкого ставил ее на место.

— Не надо на меня так смотреть! — вскипела она. — Видит бог, сейчас я не говорю ерунду. Речь идет о твоем единственном сыне, будущем блестящем адвокате. У него место в аспирантуре, квалификационный экзамен на носу. Не время сейчас для любви. Тем более для такой, — добавила она в сердцах.

Что бы там ни говорили его милые родственнички, что бы ни думал сам Антон, она в профессорскую семью со своим уставом не лезла! Пришла тихонько, села в сторонке, боялась слова вымолвить. Со временем научилась сносно выражать свои мысли, избавилась от слов-паразитов, приобрела какой-никакой лоск. Но та, что явилась к ним однажды под руку с сыном, заставила Милицу забыть светские манеры. Девчонке явно было наплевать, в какую семью ее занесло ветром, и блистать хорошим воспитанием, хотя бы ради родителей своего друга, она не намеревалась. Рыжая, веснушчатая, с беспокойными зелеными глазами, она держалась вызывающе дерзко. В ней за версту можно было

признать охотницу за толстыми кошельками. И куда смотрел ее сын, когда тащил ее домой? Хотя ей известно, куда смотрят приличные образованные мальчишки из хороших семей. Конечно, на грудь в вырезе белой майки и на ноги, еле прикрытые джинсовой юбкой. От таких, как она, мужчины враз глупеют и мечтают только о том, чтобы затащить подобную жар-птицу в постель. А ее претенциозное имя *Ева*! От него так и веяло первородным грехом. Да еще ее плебейская привычка — постоянно жевать жвачку! В общем, Милице Андреевне было от чего вздрогнуть.

— Мне кажется, ты слишком сгущаешь краски, — проговорил супруг, не отводя глаз от своей работы. — Они еще не идут под венец. В их возрасте встречаться и расставаться — это нормально. Вот увидишь, они скоро разбегутся.

— Но они уже спят вместе! — выдвинула новый довод Милица. О том, что парочка вовсю метит кровати в их доме, ей сказала домработница Саша. Та не скупилась на подробности, и хозяйка узнала много чего, что буквально повергло ее в шок. По этическим соображениям она не стала утомлять профессора деталями сексуальных оргий, о которых тот даже и не подозревал, сидя день-деньской в своем кабинете.

— Не будь такой старомодной, голубушка! — проговорил Винницкий. — У мальчика здоровый сексуальный аппетит. Неужели ты хочешь, чтобы в свои двадцать пять лет он был девственником?

— Нет, но эта девица ведет себя совершенно неприлично! Насколько я знаю такую породу людей, следующее, что она нам преподнесет, так это известие о своей беременности. Бьюсь об заклад,

твоя врожденная мягкость не позволит тебе выставить пузатую девчонку за порог.

— М-да! Это было бы не слишком хорошо.

— А я о чем говорю! — встрепенулась Милица, получив хоть какую-то поддержку. — Кроме того, ты забываешь, как непорядочно Артем повел себя по отношению к Жанне.

— К Жанне Лисовец?

— Ну, конечно. Это же дочь наших близких друзей. Ты хочешь, чтобы мы с ними превратились в заклятых врагов?

— Разумеется. нет. Профессор Лисовец был ближайшим другом моего отца, и сейчас, когда того уже нет в живых, я не могу позволить себе...

— Да-да. А девочка — просто чудо! Воспитанная, образованная. Говорят, у нее уже есть место в юридической фирме. Жанна и Артем — оба юристы. Они словно вылеплены из одного теста, как твои отец и мать.

— Верно-верно.

— Да и сам Артем был от нее без ума. Ты помнишь? Она одно время часто у нас бывала. Они вместе сидели в гостиной, гуляли в саду. Сын провожал ее до дома и возвращался обратно. А теперь где его носит? Знаешь, что он вторую ночь не ночует дома? Совсем от рук отбился. Звонили из университета. Жаловались, что за полгода он не опубликовал ни одной своей работы.

— Как ни одной?! — возмутился профессор.

Милица знала, на какую мозоль жать. Если Винницкий оставил без внимания сексуальные подвиги сына, то равнодушие к научной карьере являлось в его глазах преступлением.

— Да, мне так и сказали: «Если бы не уважение к научным заслугам профессора, то место в аспиран-

туре следовало бы отдать другому молодому человеку».

— Ах, но вот это действительно проблема! Почему же он не занимается наукой?

— Ответ прост, — пожала плечами Милица, в душе поздравляя себя с победой. — Артему просто некогда. Он день и ночь проводит с этой девицей, где же взять время на научные статьи?

— Что же делать?

— Нужно с ним поговорить. Жестко, по-мужски. Мне кажется, мы и без того проявили благородство, принимая в своем доме девицу без роду и племени! Как вспомнишь, сколько неприятностей она нам причинила... — вздохнула Милица. — Ну, да ладно. Но когда на кону стоит будущее сына, мы должны объединить наши усилия.

— Но если он не захочет послушаться? — подетски наивно спросил профессор.

— А ты найди слова для того, чтобы он послушался. Прояви характер. До сих пор они просто не встречали отпора. Довольно этих воскресных обедов и разговоров в кабинете. Ты же видишь, что из этого ничего не вышло? Девица просто вешается ему на шею, а он ведет себя как настоящий осел.

— Да, но это может быть непросто. А не приходило тебе в голову, что это может быть любовь?

— Ни на единый миг. Ты разве не заметил, какими глазами она рассматривала наш дом? Ей-богу, она определяла на глазок метраж! А этот ее ответ на невинный вопрос: «Чем вы любите заниматься?» «Любовью!» Разве это ни о чем не говорит?

— М-да! Не буду отрицать, это очень м-м... экзотичная особа.

— Пренеприятная!

— Очень экспрессивная и обожающая эпатаж.

— Ты очень мягок в формулировках. Но я со своей стороны готова пойти на крайние меры. Во-первых, я ограничу траты Артема. Оставшись без денег, он скоро ей наскучит, и она уйдет пастись на другое пастбище. Ну, а во-вторых, я больше не пущу эту девушку на порог.

— Что же ты хочешь от меня? — растерялся профессор, искренне не понимая, чем он может быть полезен. Ну, в самом деле, не драться же ему с подружкой сына!

— Я жду от тебя поддержки, понимаешь? — сказала Милица, заглядывая ему в глаза. — Ну, и мужского разговора с Артемом, конечно. Мы должны выступить единым фронтом.

— Только не проси меня объясняться с ней! — взмолился ученый.

— Нет, от этого испытания я тебя избавлю, — улыбнулась Милица, ласково касаясь плеча супруга. Еще не хватало, чтобы интеллигент объяснялся с дворовой хулиганкой. Ведь она может... У Милицы Андреевны хватало воображения, чтобы ощутить нависшую над ним угрозу. Эта Ева запросто может его изнасиловать!

\* \* \*

Артем нетерпеливо потянул Еву за рукав.

— Не дергайся. Ты выглядишь замечательно.

— С чего ты вдруг решил, что я дергаюсь? — привычно ошетибилась она и в этот же момент поняла, что ее парень прав. Она нервничала, и это ощущение было для нее новым, ведь она всегда привыкла быть сама по себе. Ей было плевать, что подумают о ней люди, и она ни чуточки не стеснялась, когда впервые, под руку с Артемом, перешаг-

нула порог его дома. Знакомство с родителями напоминало ночной кошмар, но она и тогда не растерялась. Что же с ней произошло за эти полгода, что чужое мнение стало для нее таким значимым? Она взглянула на своего спутника, и ее губы помимо воли расплылись в довольной улыбке. Артем был бесподобен. Он походил больше на выпускника какого-нибудь британского университета или молодого служащего с Уолл-стрит. Конечно, Ева не была ни в Англии, ни в Америке, но именно так она представляла себе перспективных деловых парней. Артем был высоким, стройным, с обезоруживающей улыбкой. От него веяло каким-то аристократизмом (не шутка ведь — три поколения профессоров!). Он говорил красиво, вел себя безупречно, но рядом с ним она всегда ощущала собственную ущербность. Но если раньше она относилась к этому безразлично, то теперь это обстоятельство начало ее всерьез беспокоить. Что, если она не понравится его друзьям? Примут ли они ее как достойную пару Артему Винницкому?

— Я не дергаюсь, просто чувствую, что меня загоняют в банку с пауками, — сказала она, глядя на него с обожанием.

— Так, так. Значит, вот как ты называешь моих друзей? — нарочито строго спросил он, но тут же его лицо разгладилось. — Не беспокойся, ты им понравишься. Пойдем быстрее.

— Постой, но мы еще не успели с тобой договориться, — она попыталась удержать его за руку, но он подхватил ее и потащил за собой, как на буксире. — Как ты представишь меня? — спросила она сквозь смех.

— Ты — моя девушка. Об этом уже все давно знают, вот только в глаза тебя еще никто не видел.